

И. Р. Атнагулов
**СТРУКТУРА НАГАЙБАКСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ:
ИСТОРИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ**

УДК 39(470.55)

ББК 63.5(2Рос-4Чел)

Исследование посвящено генезису, структуре и динамике развития идентичностей нагайбаков — в прошлом группы казаков, сформировавшейся в XVIII в. в составе крещеных татар Уфимской провинции, а ныне — коренного малочисленного этноса, локализованного в основном в двух районах Челябинской области. В структуре идентичностей нагайбаков выделено три основных компонента — конфессиональный, сословный и этнический. В отличие от публикаций прошлых лет, в которых диагностика современной нагайбакской идентичности проводилась на основе примордиалистского подхода, исследование впервые осуществлено на методологической базе конструктивизма. Это позволило избавиться от противоречия, сложившегося к началу 1990-х гг., между примордиалистским пониманием нагайбакской идентичности (этноконфессиональная группа, субэтнос, этносословная группа в составе волго-уральских татар) и самоидентификацией нагайбаков, транслирующей два уровня — конфессиональный и сословный (кряшенский и нагайбакский) — и игнорирующей третий — этнический (татарский). В статье определены причины возникновения, механизм исторического развития и параметры современной идентификационной базы нагайбаков, объясняющие сущность феномена нагайбакской идентичности. Делается вывод о решающей роли государства и политических процессов в формировании новых идентичностей. История формирования и развития нагайбакской идентичности является своего рода «наглядным пособием» по изучению векторов современных этнических процессов, происходящих как под влиянием естественных межэтнических контактов, так и при участии государства.

Ключевые слова: *нагайбаки, идентичности, этническая история народов Поволжья и Приуралья*

Возникновение феномена нагайбаков и развитие комплекса их групповых идентичностей происходило с 1736 по 1843 гг. под непосредственным влиянием государственной политики по освоению территории Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и Южного Приуралья. Здесь следует выделить три основных компонента структуры нагайбакских идентичностей — конфессиональный, этнический и сословный, — из которых в большей степени взаимосвязаны между собой конфессиональный и этнический, а наиболее самостоятельный — сословный.¹

¹ Атнагулов И. Р. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. № 18. С. 305–312; Он же. Формирование и современная этническая идентичность нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 334–340; Он же. Нагайбаки: этническая и сословная специфика (1736–1842 годы) // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 99–106.

Этнический субстрат нагайбаков формировался со второй половины XVI в. по 1736 г. — время возникновения данной группы. Таким субстратом являлось крещеное татарское население, постепенно переселявшееся в общем колонизационном потоке с территории Среднего Поволжья в различные уезды восточной части Казанской губернии,² в частности в Уфимскую провинцию.³ К началу второй трети XVIII в. крещеные татары являлись конфессиональной группой в составе поволжских татар и, вероятнее всего, у них сформировалась новая идентичность на базе принадлежности к православному христианству. Об этом свидетельствует, например, сложившийся в то время и употребляемый до сих пор эндоэтноним «керэшеннэр», имеющий конфессиональное происхождение.⁴ Другим признаком

² См.: Исхаков Д. М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки. Казань, 1995. С. 5.

³ Уфимская провинция входила в Казанскую губернию с 1719 по 1728 гг., с 1728 по 1744 гг. — под особым управлением Сената, с 1744 по 1775 гг. — в составе Оренбургской губернии.

⁴ См.: Атнагулов И. Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 15 (186), вып. 31. С. 104.

сложившейся идентичности являлось то, что эта группа не присоединялась к протестным движениям аборигенов региона, а выступала на стороне российских властей.⁵ Таким образом, православно-христианская принадлежность, сформировавшаяся в результате решительных действий государственной власти во второй половине XVI — первой трети XVIII в., стала не только внешней маркирующей группы, но и основой для зарождения нового идентификационного признака в сознании кряшен.

Дальнейшие действия российских властей по обустройству региона нашли поддержку именно у этой части инородческого населения, что привело к формированию новой социальной группы в составе крещеных татар Уфимской провинции — казаков. Татарско-казачье население данного региона было локализовано в селе Бакалы и нескольких деревнях, где оно проживало и раньше. Административным центром этой группы казаков была Нагайбакская крепость,⁶ построенная в 1736 г. специально для выполнения этой функции. По ее названию местная группа крещеных татар-казачьих получила внешнее наименование — «нагайбакские казаки» или «казаки-нагайбаки». Во всяком случае, в 1840-х гг. они прибыли в Южное Зауралье с таким названием.⁷ Вероятнее всего, вместе с татарами сюда могли войти чуваша, восточные марийцы и закамские удмурты.⁸ Вступление в 1736 г. этих групп в казачье сословие и положило начало собственно нагайбакской истории.

Пребывание в казачьем сословии на территории Уфимской провинции, впоследствии — Белебеевского уезда Оренбургской губернии до 1843 г. — времени переселения в Южное Зауралье — сопровождалось появлением социального барьера между нагайбаками и крещеными татарами не казачьего сословия. Групповое дистанцирование возникало как результат развития новой, ставшей домини-

рующей формы идентичности нагайбаков — сословной. Оставаясь, по сути, теми же кряшенами по религиозной принадлежности и комплексу элементов материальной культуры, имея общую идентификационную базу со всеми группами поволжских татар по языковой принадлежности, они транслировали собственную сословную идентичность. Нагайбаки являлись сословием в составе крещеных татар Белебеевского уезда вплоть до 1843 г.

Перемещение нагайбаков в 1843 г. в новые политико-административные, социальные и природно-климатические условия явилось причиной изменения вектора развития идентичностей. С 1843 г. нагайбаки оказались разделенными на три территориальные группы — оренбургско-орскую, верхнеуральскую и троицкую (названия соответствуют тем уездам Оренбургской губернии, где оказалась каждая из трех групп). Нагайбаки оренбургско-орской группы вскоре сблизилась с оренбургскими татарами-мусульманами и были ассимилированы ими⁹. Нагайбаки троицкой группы были расселены в русских селах и деревнях. Их ассимиляция была не столь быстрой, но к началу XXI в. оказалась весьма ощутимой.¹⁰ В настоящее время нагайбаки локализованы в Челябинской области двумя неравными по численности группами — северной, троицкой (142–147 чел.), и южной, верхнеуральской (6 127 чел.). Еще около 2 тыс. нагайбаков проживает за пределами этнических территорий.¹¹

В Верхнеуральском уезде ассимиляции нагайбаков не произошло в силу двух главных причин. Во-первых, нагайбаки здесь были расселены компактными группами в населенных пунктах с почти моноэтническим населением. Исключение составляли населенные пункты, где небольшие группы калмыков были расселены специально вперемешку с русскими и нагайбаками для укрепления в православии и приучения к земледелию.¹² Во-вторых, для русского населения региона нагайбаки были инородцами — людьми, говорившими на чужом языке и отличавшимися по многим чертам культуры. Комплиментарность

⁵ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. 2. С. 206, 207.

⁶ Существуют две основные версии этимологии названия крепости. Согласно первой, оно восходит к более старому поселению, основанному ногайцами. По другой версии название происходит от имени или прозвища местного башкира, на землях которого воздвигнута крепость. Обе версии записаны П. И. Рычковым со слов местных жителей (см.: Рычков П. И. Указ. соч. С. 205.)

⁷ См.: Небольсин П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. СПб., 1852. Ч. 4, кн. 1. С. 21.

⁸ См.: Бектева Е. А. Нагайбаки (крещеные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. Вып. 2. С. 177.

⁹ Там же. С. 180, 181.

¹⁰ См.: Атнагулов И. Р. Уровни этнического самосознания... С. 99.

¹¹ См.: Национальный состав населения Челябинской области: материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: <http://chelstat.gks.ru/> (обращения: 01.03.2015).

¹² См.: Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. СПб., 1843. С. 34–39.

нагайбаков к русским не встречала взаимности, что было отмечено Е. А. Бектеевой как один из факторов консервации нагайбакской этничности.¹³

Религиозный фактор нагайбакской идентичности с 1843 г. утрачивает маркирующую функцию в силу того, что подавляющее большинство их окружения составляли русские казаки, которые относились к той же самой конфессии. В этих условиях маркирующим становится комплекс собственно этнических признаков, обретенных нагайбаками в Восточном Закамье. В плане материальной культуры это комплексы одежды, система питания, устройство жилища, навыки хозяйственной деятельности.¹⁴ Одним из главных признаков, маркировавших этнические границы нагайбаков среди русских казаков, являлся язык.¹⁵

Однако развитие культуры неизбежно сопровождается изменениями, связанными с этнокультурными контактами и необходимостью социальной адаптации в среде населения региона. Ф. Бартом было предложено три варианта развития базовых стратегий элит этнических меньшинств в макросоциуме. Элитами, или, как называет их Ф. Барт, «агентами перемен», у нагайбаков являлся командный состав, а часто и рядовые казаки, поскольку военная служба обязывала следовать строго регламентированному или просто принятому в данной среде императивам поведения. Русская казачья среда представлялась нагайбакам более высокостратной, чем собственная, и интеграция в эту среду считалась процессом столь же естественным, сколь и необходимым. Логика развития первого и третьего вариантов, приводит либо к глубокой консервации культуры, либо к развитию предложенных Ф. Бартом, крайней степени этноцентризма — «от нацизма до новых государств».¹⁶ Второй вариант наиболее подходит для объяснения механизма трансформации нагайбакских идентичностей во второй половине XIX — начале XX в. Согласно Ф. Барту, второй вариант

стратегии предотвращает открытое противопоставление меньшинства макросоциуму и, возможно, приводит к аккультурации. Развитие комплекса этнокультурных элементов у нагайбаков в изучаемый период свидетельствует именно о процессе аккультурации.

Степень адаптации и изменчивости культуры хорошо прослеживается в хозяйственной и материальной деятельности. Хозяйственная культура нагайбаков до 1843 г. складывалась в кряшенской среде Восточного Закамья, где основным обеспечивающим видом было пашенное земледелие. Оно сохранялось и в Южном Зауралье, но новые природно-климатические и социальные условия — степной ландшафт, аридная зона и соседство с номадами (казахами) — привели к увеличению в хозяйственной системе скотоводческого сегмента. Однако, в отличие от казахов, скотоводство у нагайбаков было пастбищно-стойловым, а в отличие от русского варианта пастбищно-стойлового скотоводства, у них была больше численность поголовья с заметным преобладанием мелкого рогатого скота. Подобные перемены в жизни этноса — изменение экологических условий, модернизация хозяйственной системы — нередко приводят к смене идентичностей.¹⁷ Итак, хозяйство нагайбаков представляло собой оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем — оседлоземледельческой (с развитым пашенным земледелием) и степной скотоводческой (с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь с некоторыми элементами кочевого скотоводства).¹⁸

К началу XX в. жилища нагайбаков Верхнеуральского и Троицкого уездов имели типологически общие черты с постройками окружающего их русского населения, правда внутреннее убранство имело некоторые отличия, унаследованные от татарско-кряшенской среды Волго-Камья. Подобные типы жилищ являлись вполне сформировавшимся локальным комплексом, характерным исключительно для нагайбаков — одной из этнических групп в составе Оренбургского казачьего войска.¹⁹

¹³ См.: Бектеева Е. А. Указ. соч. С. 169.

¹⁴ См.: Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Магнитогорск, 2007.

¹⁵ См.: Он же. Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2006. № 16/2. С. 390–397.

¹⁶ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 41, 42.

¹⁷ См.: Холанд Г. Экономические факторы в этнических процессах // Там же. С. 88–90.

¹⁸ См.: Атнагулов И. Р. Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX — начале XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2014. № 2. С. 318–323.

¹⁹ См.: Он же. Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во втор. пол. XIX — нач. XX в. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 4(20). С. 149–159.

Более интенсивные изменения претерпевали комплексы мужской и женской одежды.²⁰ С первых десятилетий XX в. одежда нагайбаков, как и большинства населения страны, развивается под воздействием одних и тех же факторов — влияния городской моды, предлагаемого ассортимента продукции отечественной и зарубежной легкой промышленности, а также финансовых возможностей покупателя.

Система питания нагайбаков, сохраняя присущий ей консерватизм, неизбежно подвергалась воздействиям со стороны новой этнокультурной среды. Структурная основа этой системы, сложившаяся в условиях Восточного Закамья, сохранила номенклатуру и оригинальные названия блюд, характерных для татар и кряшен Среднего Поволжья и Прикамья. Однако контакты с русскими привели к появлению новых блюд и изделий из муки и овощей. Результатом взаимодействия с казахами стало появление в рационе нагайбаков такого сорта мяса, как конина.²¹

Материальная культура нагайбаков со второй половины XIX в. также претерпела заметные изменения. Нет сомнений, что и прежде она находилась в состоянии непрерывной трансформации, что закономерно для культуры вообще. До 1843 г. она формировалась на базе кряшенской. С 1843 г. по начало XX в. инерция сохранения архетипов культуры населения Прикамья еще оставалась, хотя изменения стали уже очевидны. Именно с учетом этих изменений к началу XX в. хозяйственная деятельность и материальная культура нагайбаков сложились в оригинальный этнокультурный комплекс, ставший новым основанием нагайбакской идентичности.

Третий период исторического развития нагайбакской идентичности, начавшийся с 1920-х гг. и продолжающийся по настоящее время, проходит под влиянием целого ряда политических, экономических, социальных и культурных реформ в государстве. Особенно важную роль в этом процессе сыграла политическая составляющая. Этот отрезок исторического времени, как и предыдущие два, начинается с масштабных государственных реформ, призванных решать крупные стра-

тегические задачи. Эти реформы принципиально меняют судьбу нагайбаков — идентичности, возникшей также в результате государственной деятельности. Итогом политико-административных реформ и национальной политики советского государства стало возникновение ряда идентичностей в рамках созданных национально-административных образований различного уровня. В случае с нагайбаками отмечается укрепление нарождавшегося к началу XX в. этнического самосознания и дальнейшее развитие идентификационных параметров у южной группы в границах Нагайбакского района Челябинской области. Утрата прежних маркирующих нагайбакской идентичности сопровождалась развитием новых признаков.

Современное состояние этнической культуры нагайбаков как комплекса маркирующих признаков группы характеризуют следующие особенности. Язык нагайбаков, в лингвистическом смысле это говор в составе среднего диалекта татарского языка,²² на протяжении XX в. постепенно уступает позиции русскому. Сфера функционирования нагайбакского говора сужается даже в таких социальных структурах, как семейно-родственные группы. Практически все нагайбакское население младших и средних возрастных групп говорит по-русски свободно; нагайбаки используют русский язык как основное средство общения в подавляющем большинстве ситуаций — на работе, дома и т. д.²³ (табл. 1–3). Язык нагайбаков, являвшийся во второй половине XIX — начале XX в., наряду с материальной культурой, главным маркирующим признаком нагайбакской идентичности, в начале XXI в. если и остается в качестве такового, то весьма условно.

Религиозная культура нагайбаков, как уже было нами замечено, являлась наиболее значимым маркером групповой идентичности в этносоциальных условиях Восточного Закамья. В условиях же Верхнеуральского уезда данный признак фактически перестал быть маркирующим, а в советский период он вообще потерял былую весомость.²⁴ В настоящее время признак конфессиональной

²⁰ Он же. Ткачество и традиционная одежда казаков-нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. в кон. XIX – нач. XX в. // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 470–473.

²¹ См.: Он же. Нагайбаки... 2007. С. 159–163.

²² См.: Рамазанова Д. Б. Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казачков). Казань, 1995. С. 88.

²³ См.: Атнагулов И. Р. Языковая ситуация у нагайбаков... С. 390–397.

²⁴ См.: Он же. Религиозная идентичность нагайбаков... С. 305–312.

Таблица 1

ВЫБОР ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ ОБЩЕНИЯ НАГАЙБАКАМИ В С. ОСТРОЛЕНКА*

Ситуация общения	Используют язык					
	преимуществ. нагайбакский		нагайбакский и русский		преимуществ. русский	
	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %
С родителями	141	24,0	288	48,0	169	28,0
С супругами	112	19,0	292	49,0	194	32,0
С братьями, сестрами	92	15,0	323	54,0	183	31,0
С детьми	95	15,0	276	47,0	227	38,0
С друзьями	68	11,5	358	60,0	172	28,5
На работе	56	9,0	315	53,0	227	38,0

*Составлено по: ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Остроленка, 2005 г. Количество респондентов — 598 чел.

Таблица 2

ВЫБОР ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ ОБЩЕНИЯ НАГАЙБАКАМИ В С. ФЕРШАМПЕНУАЗ*

Ситуация общения	Используют язык					
	преимуществ. нагайбакский		нагайбакский и русский		преимуществ. русский	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
С родителями	77	9,5	337	42,5	378	48,0
С супругами	70	9,0	327	41,0	395	50,0
С братьями, сестрами	119	15,0	307	39,0	366	46,0
С детьми	108	13,5	388	48,5	296	38,0
С друзьями	20	2,5	356	44,5	416	53,0
На работе	0	0	343	43,0	449	57,0

*Составлено по: ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, 2006 г. Количество респондентов — 792 чел.

Таблица 3

ВЫБОР ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ СИТУАЦИЯХ ОБЩЕНИЯ НАГАЙБАКАМИ В С. ПАРИЖ*

Ситуация общения	Используют язык					
	преимуществ. нагайбакский		нагайбакский и русский		преимуществ. русский	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
С родителями	418	56,0	143	19,0	191	25,0
С супругами	375	50,0	271	36,0	106	14,0
С братьями, сестрами	274	37,0	245	32,0	233	31,0
С детьми	165	22,0	126	17,0	461	61,0
С друзьями	215	30,0	201	27,0	336	43,0
На работе	240	32,0	193	25,5	319	42,5

*Составлено по: ПМА, Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Париж, 2008 г. Количество респондентов — 752 чел.

принадлежности нагайбаков, находящихся в окружении православного большинства, маркирующим может считаться весьма условно.

Хозяйственная деятельность нагайбаков в течение XX — начала XXI в. развивалась в соответствии с социально-профессиональным усложнением структуры общества. Наметим лишь главную линию развития. Хозяйственная система нагайбаков, сложившаяся к началу XX в., развивалась до конца XX в. в том же русле, но вобрав в себя особенности социалистической системы хозяйствования. В конце XX — начале XXI в., в связи с резко обострившейся экономической ситуацией в стране, у разных групп нагайбаков сменились профессиональные приоритеты. Во-первых, изменилось соотношение земледельческого и животноводческого секторов в пользу последнего как более продуктивного в современных экономических условиях. Во-вторых, среди животноводческих хозяйств значительно преобладают мелкие частные, развивающиеся на приусадебных участках.²⁵ В-третьих, возросло число людей, занятых в секторе мелкого и среднего бизнеса, а также наемным трудом. Заметную долю составляют работники бюджетной сферы и служащие всех категорий²⁶ (табл. 4–6). Поэтому сегодня для нагайбаков невозможно отметить какой-либо конкретный хозяйственно-культурный тип в качестве маркирующего.

Строительная культура нагайбаков в начале XXI в. по масштабам инноваций, а в некоторых случаях даже изменений революционного характера, переживает метаморфозы, сопоставимые, пожалуй, с ситуацией смены традиций комплексов одежды в первые десятилетия XX в. Стремление населения улучшить свои бытовые условия неизбежно приводит к освоению новых строительных технологий. В настоящее время нагайбакское жилище, утрачивая остатки оригинальной архитектуры, не может являться маркирующим признаком при определении идентификационных параметров группы.²⁷

Система питания нагайбаков на протяжении XX в., в ходе собственной эволюции, об-

наруживает как инновационные, так и консервативные черты. Основа этой системы, заключающаяся в соотношении пищи животного и растительного происхождения, в использовании в растительном сегменте пищи из зернового и садово-огородного сырья, в наличии номенклатуры обязательных празднично-ритуальных блюд и т. п., за прошедшее столетие принципиальных изменений не претерпела. Инновации выразились в некотором расширении ассортимента продуктов (в основном за счет товаров, приобретаемых в магазинах) и в применении новых способов термической обработки пищи в повседневной и праздничной кухне. Ритуальная кухня в основном продолжает сохранять исторически сложившийся регламент.²⁸ О том, что нагайбакская кухня существует, имеет не только празднично-ритуальное, но и повседневное функционирование, свидетельствуют результаты нашего анкетирования (табл. 7). Практически все население знакомо с традиционной нагайбакской кухней, и большинство употребляет в пищу нагайбакские блюда регулярно или время от времени. О существовании и особенностях нагайбакской кухни знают и этнические соседи нагайбаков — русские, казахи и др., что характеризует данный вид материальной культуры нагайбаков как один из признаков, маркирующих групповую идентичность.

Таким образом, на протяжении XX в. в языковой и культурной ситуации нагайбаков происходили заметные изменения, существенно преобразившие их этнокультурный облик. Те элементы, которые еще в начале XX в. (а в некоторых случаях и гораздо позже) являлись аутентичными и служили маркерами нагайбакской идентичности, к концу столетия полностью или почти полностью унифицировались под влиянием культуры окружающего населения.

Развитие этнотрансформационных процессов у нагайбаков в XX в. началось с событий первых послереволюционных лет и 1920-х гг. Безусловно, это связано со сменой политического режима. В истории формирования нагайбакской идентичности вновь, как и почти 200 лет и 80 лет назад, решающую роль играет государство. Влияние различных общественно-политических событий 1920-х гг. и всего советского периода по характеру и методам воздействия на идентичность нагайбаков

²⁵ См.: Сельское хозяйство Нагайбакского муниципального образования Челябинской области. URL: http://www.nagaybak.ru/region/social_status/selskoe-hozyaistvo-nagaybaskogo-municipalnogo-obrazovaniya-chelyabinskoi-oblasti (дата обращения: 01.03.2015).

²⁶ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Остроленка, с. Фершампенуаз, с. Париж, 2004–2006.

²⁷ Там же. 2014.

²⁸ Там же, с. Остроленка, 2000. Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск, 2015. С. 142.

Таблица 4

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАГАЙБАКОВ В С. ОСТРОЛЕНКА

Социально-профессиональная группа	Мужчины		Женщины		Всего	
	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %
Учащиеся	34	12,0	59	18,0	93	15,5
Рабочие	160	60,0	57	17,5	217	36,0
Служащие	33	12,0	104	32,0	137	23,5
Пенсионеры	23	8,0	38	11,5	61	10,0
Част.сектор, домохозяйк.	22	8,0	68	21,0	90	15,0
Всего	272	100	326	100	598	100

Таблица 5

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАГАЙБАКОВ В С. ФЕРШАМПЕНУАЗ

Социально-профессиональная группа	Мужчины		Женщины		Всего	
	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %
Учащиеся	58	17,0	74	16,5	132	16,5
Рабочие	145	42,5	71	15,5	216	27,0
Служащие	68	20,0	180	40,0	248	31,0
Пенсионеры	38	11,0	73	16,0	111	14,0
Част.сектор, домохозяйк.	32	9,5	53	12,0	85	10,5
Всего	341	100	451	100	792	100

Таблица 6

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАГАЙБАКОВ В С. ПАРИЖ

Социально-профессиональная группа	Мужчины		Женщины		Всего	
	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %
Учащиеся	47	17,0	111	23,0	158	21,0
Рабочие	123	45,0	55	11,0	178	23,5
Служащие	35	13,0	105	22,0	140	18,5
Пенсионеры	62	22,0	164	35,0	226	30,5
Част.сектор, домохозяйк.	9	3,0	43	9,0	52	6,5
Всего	276	100	478	100	752	100

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ НАГАЙБАКОВ К ТРАДИЦИОННОЙ КУХНЕ, %

Населенный пункт	Готовят традиционные блюда регулярно	Готовят традиционные блюда изредка	Знакомы с традиционными блюдами, но не готовят	Не знакомы с традиционной кухней
Остроленка	71,0	21,4	5,0	2,6
Фершампенуаз	42,7	36,2	12,7	8,4
Париж	80,4	18,6	1,0	0

противоречиво и даже весьма причудливо. Отмена сословий и антирелигиозная политика государства, безусловно, повлияли на культурный облик народа, но не на состояние нагайбакской идентичности (в силу причин, описанных выше). По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., нагайбаки становятся отдельным народом СССР, и в качестве этнонима фиксируется название «нагайбаки».²⁹ Это еще раз подтверждает, что термин «нагайбаки», использовавшийся до 1843 г. наряду со словом «казаки» и являвшийся исключительно соционимом, становится теперь этнонимом. У нагайбаков для фиксации собственной этнической идентичности оба исторически сложившихся этнонима используются параллельно, но в разных ситуациях.³⁰

Другим важнейшим государственным актом (после официального признания этнонима) становится образование в 1927 г. Нагайбакского района. Известно, что в 1920-е гг. по всей стране было создано множество национальных районов и сельсоветов для народов, численность которых не позволяла организовать республику или национальный округ. Однако уже через десять лет почти все эти национально-административные образования были упразднены, что совпало с сокращением перечня национальностей СССР после Всесоюзной переписи населения 1939 г. По какой-то причине нагайбаки, как и большинство малочисленных народов СССР, оказавшись лишены собственного этнонима, не утратили права на национально-территориальное образование — Нагайбакский район. Считаем, что сохранение национально-административной единицы стало значимым в истории народа событием, внесшим существенный вклад в создание фундамента современной нагайбакской идентичности.

Нагайбакский район является полиэтничным по своему составу (табл. 8). На протяжении длительного времени населению предлагается парадигма культурного единства всех народов района. Обычным стало обозначение жителей района «нагайбакцы», независимо от их этнической принадлежности. Параллельно с мероприятиями по этнокультурно-

му сближению осуществляется поддержка деятельности по сохранению и популяризации традиционных культур — нагайбакской, русской, казахской, мордовской и др. В Нагайбакском районе существует три краеведческих музея. Например, в Музее истории села Париж представлена этнографическая коллекция. В деревне Попово Чебаркульского района имеется Музей нагайбакской культуры и быта. В селе Фершампенуаз в Доме народных ремесел регулярно проводятся мероприятия по изучению, реконструкции и популяризации народного творчества — декоративно-прикладного, музыкального, обрядово-праздничного. В четырех нагайбакских селах — Кассель, Остроленка, Фершампенуаз и Париж — при учреждениях культуры имеются песенно-фольклорные коллективы, а в деревне Попово — ансамбль нагайбакской песни. Фольклорный материал собирается и обрабатывается участниками ансамблей самостоятельно и при помощи специалистов из Казани, Екатеринбурга и Челябинска. Реконструкции архаичных элементов традиционной бытовой культуры нагайбаков можно увидеть во время праздников (включая новогодний цикл, Масленицу, Пасху, Троицу, Сабантуй, дни сел, государственные праздники и т. д.). В Центральной районной библиотеке (с. Фершампенуаз) имеется литература по истории и культуре нагайбаков,³¹ а в учебных заведениях района под руководством педагогов школьники выполняют исследовательскую работу, проводят реконструкцию некоторых обрядов.

К началу XXI в. основанием нагайбакской идентичности становится уже не язык, сфера функционирования которого все более сужается, не материальная культура, которая изменилась, приобрела черты, общие для всех, не сословная принадлежность к казачеству, которая осталась лишь в воспоминаниях, не религиозная принадлежность, поскольку она не имеет какой-либо специфически «нагайбакской окраски». В основе современной нагайбакской идентичности лежит идея существования самой общности. Эта идея воплощается в конкретных действиях, направленных на реконструкцию, сохранение и популяризацию этнической культуры. Периодическое обращение народа к этническим символам: одежде, песням, знаменательным событиям прошлого

²⁹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL:http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения: 01.03.2015).

³⁰ См.: Атнагулов И. Р. Уровни этнического самосознания... С. 104.

³¹ См.: Нагайбакская централизованная библиотечная система. URL:<http://nagayb.narod.ru/ncbs.html> (дата обращения: 01.03.2015).

Таблица 8

Динамика этнического состава населения НАГАЙБАКСКОГО РАЙОНА* с 1843 по 2010 гг., чел.

Народ	Годы						
	1843**	1926***	1959	1979	1989	2002	2010
Русские	372	5 611	11 408	11 480	10 974	10 239	9 562
Нагайбаки****	1 250*****	7 722	—	—	—	7 394	6 227
Казахи	—	1 243	2 312	3 172	3 221	3 445	2 839
Татары	—	358	8 784	9 764	12 118	1 256	863
Мордва	—	—	321	1 287	918	655	437
Украинцы	—	—	595	459	424	361	222
Башкиры	—	103	182	368	459	335	270
Белорусы	—	—	—	333	288	213	146
Немцы	—	—	—	39	32	55	46
Чуваши	—	—	—	35	25	33	32
Евреи	—	—	—	3	8	4	2
Калмыки	216	—	—	—	—	—	—
Прочие	—	196	696	93	142	1028	281
Всего	1 838	15 233	24 298	27 033	28 609	25 018	20 927

Составлено по: Маметьев А. М. Нагайбакский район в фактах и цифрах: Справочник с историческими очерками и комментариями. Челябинск, 2005. С. 31; Численность населения Нагайбакского района по населённым пунктам в 2010 году // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.pdf.

* До 1926 г. данные о численности нагайбаков приводятся по пяти населённым пунктам (Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия).

** На 1843 г. приводится численность казачьего населения мужского пола поселков Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия, Арси и Куликовка (см.: Правила о переселении...).

*** С 1926 г. приводится численность населения в границах современного Нагайбакского района.

**** В 1959, 1979 и 1989 гг. учитывались вместе с татарами.

***** Без учета женщин.

и т. д. — способствует сохранению исторической памяти, передающейся через межпоколенные связи.

Таким образом, формирование нагайбакской идентичности происходило под влиянием разных факторов — социальных, этнических, культурных, политических. Решающую роль в этом процессе играло государство. Во-первых, в результате государственной политики по христианизации народов Поволжья появились крещеные татары — «кряшены». В XX в. эта группа этнически обособилась настолько, что значительная ее часть уже не приемлет обозначение «крещеные татары», а самоназвание «керэшеннэр» воспринимается некоторыми как настолько оригинальное, что отрицается его происхождение от слова «крещеный».³² Во-вторых, следствием исключительно государственной политики 1730-х гг. в Южном Приуралье является возникновение среди кряшен

Уфимской провинции сословной группы казаков. Дальнейшие действия администрации (отселение татар-мусульман от казаков-нагайбаков в более отдаленные населенные пункты,³³ создание кантонального управления,³⁴ при котором нагайбаки оказались в одних территориальных казачьих подразделениях вместе с русскими) были направлены на усиление социальной изоляции этой группы казаков. Закономерным итогом этой государственной деятельности становится появление у данной группы не позднее 1840-х гг. собственного самосознания, основанного на сословной идентичности («казаки-нагайбаки», «нагайбакские казаки»). В-третьих, развитие нагайбакской идентичности начиная с 1843 г. продолжилось под влиянием государственного плана колонизации Южного Зауралья. Переселив казаков-нагай-

³² См.: Глухов М. С. Tatarica: энциклопедия. Казань, 1997. С. 328.

³³ См.: Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. С. 442.

³⁴ См.: Дэн В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. 2, ч. 2. С. 306–312.

баков от соплеменников — кряшен Восточного Закамья — и поместив их в почти исключительно русское окружение, правительство Российской империи вновь сменило вектор развития нагайбакской идентичности. В составе казаков Верхнеуральского уезда они утрачивают конфессионально-сословную специфику и становятся а этническим феноменом. В начале XX в. этническая специфика нагайбакской культуры и идентичности проявлялась уже отчетливо.³⁵ В-четвертых, на протяжении XX — начала XXI в. этническая идентичность нагайбаков продолжала развиваться, утрачивая одни идентификационные признаки и приобретая другие. Эти процессы протекали под влиянием как этнокультурных контактов (изменение одежды, жилища, национальной кухни, языковые процессы), так и государственной политики (изменение религиозного состояния, сословной принадлежности, политико-административного устройства, кодификация по этническому признаку).

Таким образом, нагайбакская идентичность формировалась и трансформировалась под воздействием двух важнейших факторов — этнокультурных контактов и внутренней политики государства. Комплекс этнокультурных факторов оказывал существенное влияние главным образом на внешние проявления этнической специфики нагайбаков, связанные в основном с материальной культурой. Последовательная реализация различных внутриполитических государственных акций на протяжении всей истории развития группы оказывала решающее воздействие на формирование социальных основ самоидентификации нагайбаков.

Современная самоидентификация нагайбаков — это групповое позиционирование с использованием этнонимической номенклатуры «керэшеннэр» и «нагайбаки». Оба названия на сегодняшний день являются эндоэтнонимами, но имеют отличия как в сферах употребления, так и в отражении ощущения уровня групповой самоидентификации. Самоназвание «керэшеннэр» имеет конфессиональное происхождение и является общим для всех групп кряшен. Самоназвание «нагайбаки» изначально было усвоено как внешнее обозначение. Поскольку в настоящее время оно используется только

в общении на русском языке, то вариант его звучания — «нагайбаки» — сохраняется. (Материалы последних двух переписей населения фиксируют исследуемую группу исключительно как «нагайбаки»). Это название иногда звучит в разговоре на родном языке как «нэгэйбэклэр», но только в отдельных случаях и только при общении с представителями других групп татароязычного населения. По ряду объективных причин в современной ситуации частота употребления этнонима «нагайбаки» в исследуемой группе является наибольшей; на втором месте находится этноним «керэшеннэр»; самоназвание «нэгэйбэклэр» используется редко.

У южной группы нагайбаков в двух населенных пунктах — Кассель и Остроленка — сохранились старые (со времен проживания в Восточном Закамье) этникины — «килий» и «сарашлы» соответственно. Нагайбаки южной группы в других населенных пунктах сменили прежние локальные самоназвания на новые в соответствии с современной топонимией: жители Фершампенуаза — «фершамка», «район», жители села Париж — «парижлар», жители Требия — «требий», жители Астафьева — «астапый».³⁶

У нагайбаков северной группы также сложились этникины в соответствии с местной топонимией — «поповцы», «варламовцы» и т. п. Кроме того, у них существует общий внутригрупповой эндоэтноним — «бакалы».³⁷ Хотя его используют жители нескольких населенных пунктов — Попово, Варламово, Болотово, Ключёвка Вторая и Краснокаменка, это обозначение, так же как «килий» и «сарашлы», генетически восходит к этнику Восточного Закамья. В настоящее время термин «бакалы» можно считать сформировавшимся общим самоназванием нагайбаков северной группы. Таким образом, иерархия этнонимов у нагайбаков выглядит следующим образом: конфессионим — керэшеннэр (общий со всеми группами кряшен), соционим — нагайбаки, нэгэйбэклэр (общий для северной и южной групп), локальное самоназвание северной группы — бакалы; южная группа локального самоназвания не имеет, хотя нагайбаки северной группы называют ее представителей «гумбейцами», «гумбейлэр».

³⁵ См.: Атнагулов И. Р. Этническая специфика материальной культуры нагайбаков // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпоз. Новосибирск, 1998. С. 28–32.

³⁶ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, с. Париж, с. Требия, 2012.

³⁷ Там же, Чебаркульский р-н, д. Попово, 2014.

Irek R. Atnagulov

Candidate of Historical Science, Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk)

E-mail: *i.atnagulov@mail.ru*

NAGAIBAK IDENTITY STRUCTURE: HISTORY AND EVOLUTION FACTORS

The subject of the study was the genesis, structure and dynamics of the Nagaibak identity evolution — in the past a group of the Cossacks formed in the 18th century from the baptized Tatars of the Ufa province, and today the indigenous ethnic group localized mostly in two districts of the Chelyabinsk region. In the process of the Nagaibak evolution there developed three main components of their identity, which were unevenly represented in different periods — the confessional, the estate, and the ethnic components. Unlike previous publications, where the modern Nagaibak identity was studied on the basis of the primordial approach, we, for the first time, approached this problem from the positions of social constructivism methodology. This allowed to resolve a conflict which became apparent in the early 1990s between the primordial understanding of the Nagaibak identity (ethno-confessional group, sub-ethnic group, ethnic-estate group as part of the Volga-Ural Tatars) and their self-identification translating two levels — the Kryashens and the Nagaibak, and ignoring the Tatar component. A result of our study was the determination of the reasons for origin, historical development mechanism, and the modern identification basis of the Nagaibaks explaining the phenomenon of modern Nagaibak identity. One of the most important conclusions of the study was the indication of the role of state and political processes in the evolution of new identities. The history of the formation and the development of the Nagaibak identity is a kind of “case study” illustration for the study of modern ethnic processes vectors occurring simultaneously under the effect of natural inter-ethnic contacts, and of direct intervention by the state.

Key words: *Nagaibaks, identities, ethnic history of peoples of Volga and Ural regions*

REFERENCES

- Atnagulov I. R. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia), 2004, № 4(20), pp. 149–159. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic interaction in the South Urals]. Chelyabinsk: Rifej Publ., 2013, pp. 334–340. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Nagaybaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaystva i materialnoy kultury vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka* [Nagaybaks: experience in complex historical and ethnographic study of the economy and the material culture of the second half of XIX — early XX century]. Magnitogorsk: MaGU Publ., 2007, 244 p. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Problemy arkheologii, antropologii, etnografii Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Problems of archaeology, anthropology, ethnography of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2000, pp. 470–473. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture]. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk: ZAO MDP Publ., 2014, № 2, pp. 318–323. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture]. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk: ZAO MDP Publ., 2007, № 18, pp. 305–312. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of history, philology, culture]. Moscow; Magnitogorsk; Novosibirsk: ZAO MDP Publ., 2006, № 16/2, pp. 390–397. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Sibir v panorame tysyacheletiy: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Siberia in the panorama of the millennium: Proceedings of the International Symposium]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 1998, pp. 28–32. (in Russ.).
- Atnagulov I. R. *Sibirskoe kazachestvo: istoriya i sovremennost* [Siberian Cossacks: past and present]. Omsk: ID “Nauka”, 2011, pp. 99–106. (in Russ.).
- Bart F. *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichiy* [Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural difference]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2006, pp. 9–48. (in Russ.).
- Glukhov M. S. *Tatarica. Entsiklopediya* [Tatarica. Encyclopedia]. Kazan: Vatan Publ., 1997, 503 p. (in Russ.).
- Holland G. *Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichiy* [Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural difference]. Moscow: Novoe izdatelstvo Publ., 2006, pp. 72–90. (in Russ.).
- Iskhakov D. M. *Nagaybaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov)* [Nagaybaks (comprehensive research group baptized Tatars, Cossacks)]. Kazan: IYaLI ANT Publ., 1995, pp. 4–18. (in Russ.).
- Ramazanova D. B. *Nagaybaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov)* [Nagaybaks (comprehensive research group baptized Tatars, Cossacks)]. Kazan: IYaLI ANT Publ., 1995, pp. 88–93. (in Russ.).